

18+

СКВОРЦОВА ПОЛИНА

ТРИ ШАГА ДО МОСТА

18+

Полина Скворцова
Три шага до моста

«Издательские решения»

Скворцова П. Н.

Три шага до моста / П. Н. Скворцова — «Издательские решения»,

Алексей давно знает, что Элеонора существует лишь в его голове. Она — галлюцинация, единственный голос, который удерживает его от роковых ошибок. Но когда любовь оборачивается ложью и предательством, даже она перестает справляться. Шаг за шагом Алексей теряет связь с реальностью, все глубже погружаясь в мир, где боль становится оправданием, а каждое принятое решение ведет к точке невозврата. Психологическая драма о любви, безумии и цене, которую приходится платить за желание быть нужным.

Содержание

Три шага до моста	6
Глава 2. Гость Инессы	12
Глава 3. Кто, если не я?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Три шага до моста

Полина Николаевна Скворцова

© Полина Николаевна Скворцова, 2026

ISBN 978-5-0070-9829-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три шага до моста

Скворцова Полина Оглавление Глава 1. Мост

Обжигающий холод — первое, что запомнил Алексей потом, когда пытался собрать ту ночь по осколкам. Холод, который пробирал до самых костей, невзирая на громадный слой тёплой одежды.

Он стоял на мосту уже час. Может, полтора. Время в такие моменты теряет линейность и превращается в резиновую ленту — тянешь, а конца не видно, только боль в пальцах и понимание, что обратно минуты уже не вернуть.

Инесса как обычно опаздывала: «потеряла счёт времени», как она любила говорить. К такому он привык, а привычка страшная штука, она делает нормальным для людей то, что нормальным быть не должно. Вот и сейчас: он стоял, переминаясь с ноги на ногу, сунув красные руки в карманы старой дубленки, которая помнила ещё его отца вернее, ту версию, что ещё походила на человека.

Он курил третью сигарету за последние сорок минут. Дым вырывался изо рта клубами и рассеивался в воздухе, смешиваясь с морозным дыханием. Дешёвая «Золотая Ява», он не любил этот вкус, но курил, потому что нужно было занять чем-то руки.

— А если она не придёт? Ты собираешься стоять здесь до утра?

Голос эхом прозвучал справа, чуть сзади. Алексей знал, кто это, знал, что если обернётся, увидит то, чего не должно быть, но уже лет десять являлось самым стабильным в его жизни.

— Она придёт, — сказал он, не вынимая сигарету из рта. — Она мне обещала.

Элеонора сделала шаг, и теперь Градов видел ее периферийным зрением. Одета, как всегда, не по погоде. Особенно сейчас ее лёгкое белое платье вызывало зависть у человека, который уже давно мерз на мосту. Да и причёска у нее не трепалась от ветра, будто она только вышла из салона, хотя Алексей знал: она никогда туда не ходила. Она была всегда и везде с ним.

— Люди часто обещают то, что не собираются выполнять, — Эля говорила очень тихо и спокойно, растягивая слова будто специально, но в ее голосе сквозила какая-то усталая мудрость, которая одновременно раздражала и успокаивала.

Градов затянулся глубоко, позволил дыму обжечь лёгкие. Ему нравилось это — лёгкая боль, которую ты контролируешь. В мире, где ничего не контролируется, такие маленькие ритуалы спасали от падения, хотя бы на время.

— Она сказала: «Я не против, Лешенька». Она так не говорит обычно, и ты это знаешь. Значит, правда придёт.

Эля не ответила. Вместо этого она сделала то, что делала всегда, когда хотела его пристыдить — вздохнула и покачала медленно головой. Потом, как ни в чем не бывало, присела на перила моста, свесив ноги вниз, хотя под ней была чёрная вода, скованная тонким льдом, и тридцать метров пустоты. Она не боялась высоты и вообще ничего никогда не боялась. Леша посмотрел на её ноги в лёгких балетках и снова подумал о том, о чём думал тысячи раз: как можно не мёрзнуть в такой холод? И тут же одёрнул себя, это глупый вопрос. Она же не настоящая, не чувствует температуры, это только нейроны в его больной голове, которые упорно генерируют один и тот же образ, уже десять лет, с тех пор как...

— Не надо, — сказала Эля, не оборачиваясь. — Прекрати думать об этом. Прошлое увы не изменить.

Она всегда чувствовала, когда Леша собирался повспоминать те моменты. И если говорить без романтической шелухи, он настолько хорошо изучил свои триггеры, что мог предсказать, когда память подкинет ему тот самый кадр: коридор, запах перегара, мамины всхлипы.

Эля была всего лишь внутренним голосом, который научился принимать чужую форму. Но это не делало её менее реальной, по крайней мере, для него.

— Ты вообще слишком много куришь в последнее время.

— А ты слишком много говоришь, — огрызнулся Леша. — Для той, кого не существует.

Она улыбнулась краешком губ, той улыбкой, которая означала «ты меня не прогонишь, сколько бы ни старался».

— Если бы я была реальной девушкой, я бы с тобой так много времени не проводила.

Градов не нашёлся с ответом. Спорить с Элей было как спорить с собственным отражением. Вместо этого он достал телефон. Экран засветился холодным белым светом, подчеркнув морщинки на лице — двадцать пять лет, а выглядит на все сорок. Бессонница делает с людьми страшные вещи.

Сообщений не было.

— Может, что-то случилось или у нее сел телефон, поэтому не пишет.

— Или ей просто не хочется тебя видеть, — спокойно ответила Эля. — Такое тоже бывает. У людей есть одна суперспособность — врать направо и... налево.

Он проигнорировал, потому что не хотел признавать это, докурил сигарету до фильтра, обжёг пальцы, выронил окурочок. Тот упал на асфальт, покатился к краю моста и замер в паре сантиметров от пропасти.

— Расскажи мне что-нибудь. Отвлеки от этого дерьма.

Эля поднялась с перил, отряхнула платье, хотя на нём не было ни пылинки. Этот ритуал она переняла у его матери.

— А помнишь ли ты, как мы впервые встретились?

— Я пытаюсь забыть, — честно ответил Леша. — Но ты не даёшь.

— Не я, а твоя психика. Я не просто так с тобой всюду хожу.

— Конечно, кто, если не ты, будет докапываться до меня часами?

— Я не докапываюсь, — она подошла ближе, остановилась в полуметре, на той дистанции, которую никогда не пересекала. Будто между ними была стеклянная стена. — Я просто не даю тебе делать непоправимые глупости.

Леша хотел съязвить, сказать что-то вроде «и как, получается?», но в этот момент его пальцы в кармане нащупали холодный металл.

Пистолет.

Старый подарок дяди Саши. Дядя Саша был бывшим полицейским, уволенным за пьянку и рукоприкладство, но связи сохранил. И ствол сохранил. «Мало ли», — сказал он тогда, протягивая тряпичный свёрток. «Отец твой — мразь, если вернётся — ты знаешь, что делать». Градов тогда подумал, какой же он ужасный человек, а потом положил пистолет в карман и носил с тех пор везде. В магазин, на работу, на встречи.

Эля заметила его движение раньше, чем он сам осознал, что делает.

— Что у тебя в кармане? — спросила она, и её голос вдруг потерял игривость, стал серьёзным.

— Ничего, — Леша замер. Пальцы всё ещё сжимали рукоятку.

— Алексей!

— Я сказал — ничего.

— Ты врешь хуже, чем Инесса, — Эля сделала ещё шаг, всё ещё в полуметре, но нависая, хотя они были одного роста. — Ты взял его с собой. Ты взял пистолет на свидание, серьёзно?

Он вытащил руку из кармана, сжал пальцы в кулак, спрятал их в другой карман, туда, где были сигареты. Там же был зажигалка, чек из супермаркета и какая-то мятная конфета, которую он украл на кассе месяц назад.

— Дядя Саша сказал, что так безопаснее, — пробормотал он, глядя в сторону. — В наше время мало ли...

— Твой дядя псих, — отрезала Эля и исчезла. Леша вздрогнул. Каждый раз это происходило неожиданно, хотя он должен был привыкнуть за столько времени. Но привыкнуть к тому, что галлюцинации ведут себя непредсказуемо, невозможно.

Теперь он остался один.

Мост, фонарь, холод. Внизу — чёрная вода, сверху — чёрное небо. Ни звёзд, ни луны, словно все решили оставить его одного.

Телефон завибрировал. Леша выхватил его с такой скоростью, что чуть не выронил, пальцы онемели от холода и не слушались. Значок сообщения мигал вверх, это была она... Инесса. Он открыл, жадно впился глазами в строчки.

«Лешенька, прости, я плохо себя чувствую. Температура поднялась. Останусь дома. В другой раз обязательно, обнимаю».

Лешенька перечитал три раза. Искал подвох, искал намёк, искал любую деталь, которая выдала бы ложь, но не нашёл. Или нашёл, но не признался себе, потому что если бы он признал, что это отмазка — самая обычная и банальная, из тех, что девушки используют, когда не хотят обижать, но и встречаться не хотят, — ему пришлось бы посмотреть правде в глаза. А правда была проста: Инесса не хотела его видеть, никогда, возможно, не хотела.

Но Леша любил её.

«Выздоровливай», — написал он и добавил смайлик с сердечками.

— Дурак. Настоящий, конченный дурак.

Убрал телефон в карман и закурил снова. В груди саднило, как будто рёбра натерли изнутри наждачкой.

— Эля, — позвал он тихо. — Ты здесь?

Тишина. Только ветер гуляет под мостом, завывает в металлических конструкциях.

— Эля, пожалуйста.

Никого. Он остался один на один с пустотой, со своими мыслями, разрывающими изнутри.

Градов опёрся о перила, посмотрел вниз. Вода пугала своим бездоньем, с редкими пятнами льда у берегов. Если смотреть долго, начинало казаться, что спрыгнуть туда — вполне хорошая идея. И так казалось ему уже давно, с детства, с того самого вечера, когда отец впервые ударил мать, а он, десятилетний, стоял в коридоре и не мог пошевелиться, потому что страх парализовал ноги, руки и голос. После того вечера, когда существование потеряло смысл, вода манила к себе все сильнее... или это была сама смерть?

Он потушил сигарету, маленький уголёк зашипел на морозе и погас. Окурок полетел вниз, в черноту, и Леша проводил его взглядом, пока тот не исчез. Как всё в его жизни — пропадает, и даже не видишь, куда именно. Он уже собирался уходить, развернулся, сделал шаг к выходу с моста, но краем глаза заметил движение. Внизу, под мостом, где асфальтовая дорожка уходила в парк.

Две фигуры.

Он замер, вглядываясь и не веря глазам. Одна фигура была женской — короткая куртка, длинные, густые, чёрные волосы, знакомая походка. Леша узнал бы ее из тысячи чёрных силуэтов.

Инесса.

Вторая фигура была мужской. Высокий парень в дублёнке нараспашку, хотя мороз под тридцать. Он шёл рядом, что-то говорил, жестикулировал, и Инесса смеялась — запрокидывала голову, открывала рот, и даже отсюда, с высоты, Леша видел, как она счастлива. Так ни разу не была открыта с ним, и от этой мысли в груди сильно защемило. Он смотрел, как они идут под руку, их плечи почти касаются, и между ними нет дистанции, которую он всегда чув-

ствовал с Инессой. С ним она была на расстоянии вытянутой руки, а с этим — на расстоянии поцелуя.

Парень был похож на «додика». Так Леша называл его про себя. Дорогая обувь, новая стрижка, ухоженные руки, которые, наверное, не знают, что такое работа с восьми до восьми. Такие, как он, всегда получали таких, как Инесса, а такие как Градов — ничего.

— Урод, — выдохнул Леша в пустоту. — Что этот урод делает рядом с ней?!

Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках, в пальцах, в кончиках ушей. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу, как сжимается грудная клетка. Он знал это состояние, когда сознание сужается до точки, и в этой точке помещается только боль, обида и желание уничтожить источник боли.

Пистолет.

Мысль пришла мгновенно, рука сама потянулась в карман, пальцы нащупали холодную рукоятку. Металл выскользнул наружу, отразив тусклый свет фонаря. Леша смотрел на пистолет, потом вниз, на парня. Тот что-то сказал, Инесса снова засмеялась так, как никогда не смеялась при нём. Он поднял пистолет и прицелился. В голове не было ничего, только картинка: он нажимает на курок, пуля летит вниз, парень падает, Инесса кричит, кровь на снегу. Леша знал, что потом ждут полиция, суд и тюрьма, как когда-то ждали и его отца.

Ещё секунда.

Он уже начал давить на спусковой крючок, медленно и плавно, как учил дядя Саша, но почувствовал чьё-то присутствие.

— Опusti, — голос Эли был тихим, но не терпящим возражений.

Леша не обернулся. Смотрел вниз, на парня, который всё ещё шёл рядом с Инессой и ничего не подозревал. Смеялся... счастливый дурак.

— Не мешай мне, — сказал Леша сквозь зубы, рука затряслась.

— Опusti пистолет, Алексей.

— Я люблю её, — его голос сорвался на хрип, на что-то отчаянное. — Ты понимаешь? Я люблю её, а она...

— А она не любит тебя. Но если ты сейчас убьёшь его, это не изменит ее чувств. Более того... она тебя возненавидит.

— Мне плевать уже.

— Если бы тебе было плевать, ты бы уже нажал.

Леша замер. Пистолет смотрел вниз, в спину парня. Палец на спусковом крючке. Всего одно движение и этого подонка не станет.

— Посмотри на меня, — сказала Эля.

Он не хотел, но тело не слушалось — повернуло голову, а она продолжила.

— Если ты выстрелишь, ты сделаешь ей больно, а ты ведь этого не хочешь, правда? Она будет плакать на его похоронах, возможно, рыдать на коленях, но она не прибежит к тебе все равно. Ты станешь для неё тем, кого она боится, а не тем, кого любит.

— Она и так меня не любит. Какая разница?

— Разница есть.

— Я хочу, чтобы она была моей.

— Она не вещь, Леша. Её нельзя отнять, купить или заслужить. Она — человек, и да, она выбрала не тебя.

Слова падали как камни. Каждый — новый удар, новая трещина в груди. Парень внизу что-то сказал Инессе, она кивнула, и они повернули за угол, исчезли из виду.

Леша опустил пистолет.

Всё тело затряслось — крупной, нервной дрожью, как в ознобе. Он опустился на корточки, потом сел на холодный асфальт, привалившись спиной к перилам. Пистолет выпал из

пальцев, стукнулся о бетон и откатился в сторону. Выглядело так, словно выстрелили только что в него, а не он.

— Я люблю её...

Эля села рядом, достаточно близко, чтобы он чувствовал тепло, которого не могло быть, потому что она была галлюцинацией, но ее появление, как ни странно, успокаивало. Леша закрыл глаза. Перед веками плыли красные круги — след от фонаря, в который он смотрел слишком долго или след от чужой крови, которой не пролилось. Он не знал.

— Как ты думаешь, — спросил он. — Я нормальный?

Эля чуть не сдержала смех.

— Нормальных людей не существует. То, что ты такой, это не твоя вина.

— А в чём моя вина?

— Ни в чём. Ты просто родился не в том месте и не у тех людей.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё, она сидела, обхватив колени руками. Ему так хотелось, чтобы они обнялись, но он знал, что если он протянет руку, пальцы пройдут сквозь пустоту. Потому что её нет, потому что она — просто нейроны, которые слишком долго жили в одиночестве и решили создать себе друга.

— Ты единственная, кто меня не бросает, — сказал он тихо. — Даже если тебя не существует.

Эля повернула голову, посмотрела на него. Улыбнулась — той самой улыбкой, грустной и тёплой одновременно.

— Я здесь, пока я тебе нужна. А когда перестанешь нуждаться — исчезну.

— А если я никогда не перестану?

Она не ответила. Вместо этого встала, отряхнула платье — жест, от которого у Леша еще сильнее сжалось сердце.

— Иди домой, Леша. Холодно, а ты итак уже замёрз.

Её контуры растворились в морозном воздухе, осталась только тень на асфальте, которую Леша мог бы поклясться, что видел, но не мог доказать.

Остался снова один.

Он посидел ещё минуту, чувствуя, как холод пробирается сквозь дублёнку, сквозь джинсы, сквозь кожу — внутрь, к костям, к самому нутру. Леша поднялся. Подобрал пистолет, стряхнул снег, сунул обратно в карман, огляделся. Все тот же мост, тот же фонарь, та же темнота.

— Достаточно на сегодня.

Он пошёл домой, не оглядываясь, потому что боялся снова увидеть, как Инесса смеётся с тем парнем в какой-нибудь забегаловке, пьёт кофе и говорит «какой классный вечер».

Шаги гулко отдавались на замёрзшем асфальте. Леша считал их — сто сорок три до конца моста, потом поворот, потом ещё двести до метро. Внутри было пусто, но не больно, не обидно, не горько, просто пусто, словно в квартире, из которой вынесли всю мебель, оставив голые стены и эхо. Он достал телефон. Посмотрел на последнее сообщение Инессы. Подумал: интересно, какая у неё температура сейчас? Когда она идёт под руку с этим парнем. Наверное, высокая, от счастья. Как ему хотелось кинуть телефон об асфальт, но он не стал, потому что телефон — дорогая вещь.

Он шёл по пустой улице, и ветер гнал ему в лицо колючий снег. Шнурки развязались, но он принципиально игнорировал их. Вместо этого он думал: что будет завтра? Он придёт на работу, расставит коробки на складе, выслушает начальника, который считает его дебилом, поедет домой, выпьет энергетик, будет смотреть тупое шоу по телевизору и делать вид, что всё нормально. А потом ляжет спать и увидит во сне Элю или Инессу, или ту чёрную воду под мостом. В кармане все еще лежал пистолет. О нем Градов старался не думать, а за мысль, что

чуть не убил человека, больно кусал себе щеку. Потому что если подумать об этом всерьёз, пришлось бы признать, что грань, отделяющая его от отца, намного тоньше, чем он думал...

Глава 2. Гость Инессы

Алексей проснулся от ощущения, что кто-то сверлил ему затылок взглядом. Открыл глаза, ожидая увидеть Элю, но в узенькой комнате никого не было, только полоска света из неплотно задернутой шторы и пыль, танцующая в этом свете усталый вальс. Часы на тумбочке показывали девять семнадцать. Он проспал почти двенадцать часов. На работу Градов решил не идти, он просто лежал, глядя в потолок, и перебирал в голове события прошедшего вечера. Холод. Мост. Пистолет. Инесса. И Эля, которая видела его насквозь, единственная, кто чувствовала, как сжималось его сердце, хотя, казалось бы, оно должно было остановиться ещё вчера от такой порции предательства.

Леша все же сумел заставить себя оторваться от кровати через полчаса и сесть, потеряв ладонями лицо. Щетина за ночь проросла сильнее. Он не брился уже три дня, и теперь выглядел как бомж, которому просто повезло с квартирой. В зеркале напротив отражался будто чужой человек. Мешки под глазами, бледный цвет лица, высыпания — успешное саморазрушение, единственное, в чем он действительно преуспел за свои годы.

Телефон на тумбочке завибрировал. Леша потянулся к нему неуверенно: одновременно и хотелось, и боялось, потому что он знал, что это снова она, снова Инесса.

«Леш, ты обиделся?»

Он прочитал эту строчку раз пять, потом ещё раз столько же, но медленно, по слогам. «Ты обиделся?» — вопрос, в котором не было ни капли раскаяния, только лёгкая тревога потерять удобного мальчика, который рад всегда быть рядом, приносить подарки и выполнять любые просьбы. Или это ему показалось? Может, она действительно вчера лежала дома с температурой и пила с малиной чай, а тот парень был просто прохожим?

Градов закрыл глаза и попытался восстановить картинку: две фигуры, тёмные волосы, смех, походка. Нет, он не ошибся. Он знал ее так же хорошо, как знал свои собственные пальцы — до трещин на ногтях, до мозолей. Это точно была она. Но сердце всего лишь глупый, самоубийственно доверчивый орган.

— Идиот, — сказал он вслух своему отражению. — Ты просто полный идиот.

— Если ты собрался делать глупости, — раздался голос из угла комнаты. — Предупреди хотя бы. Я возьму попкорн.

Леша даже не вздрогнул, он привык, что Эля появляется без стука. Она сидела в старом кресле и листала книгу, ту самую пьесу, «Горе от ума», которую он пытался прочитать в шестнадцать и бросил на пятнадцатой странице.

— Я не собираюсь делать глупости, — сказал он, натягивая джинсы. — Я собираюсь навестить больного человека.

Больного человека? — Эля отложила книгу, приподняла бровь. — Ты про ту, которая вчера развлекалась с кавалером, пока ты мёрз на мосту? Боюсь, это ты болен, а не она.

— Это был её брат, — сказал Леша, и даже сам удивился, как легко ложь слетела с языка.

Эля посмотрела на него с выражением, которое трудно было описать. Там было и сожаление, и усталость, и что-то ещё, похожее на любовь — та любовь, когда ты знаешь, что человек совершает ошибку, но не можешь его остановить, потому что право на ошибку это единственное, что у него осталось.

У давно у нее есть такой брат, с которым она мило хихикает, идя под руку?

Заткнись сейчас же.

Зачем ты после этого к ней идешь?

Леша не ответил. Он шел уж точно не потому, что верил в ее болезнь, а потому, что без нее его жизнь превратится в чёрную дыру, в которой нет ни света, ни звука, ни смысла. Он боялся признаться, что не просто влюблен, а зависим как от сигарет, как от алкоголя, как от пистолета в кармане, который дает иллюзию контроля.

Он зашёл в ванную, повернул кран. Вода текла ледяная, но именно сейчас она как нельзя кстати окончательно помогла проснуться.

Ты мог бы и побриться. Ужасно выглядишь.

А ты могла бы исчезнуть, — Градов намыливал щёки. — Но не исчезаешь же.

Потому что ты меня не прогоняешь.

Он замер с бритвой у горла. Тонкое лезвие поблёскивало в тусклом свете. Одно неловкое движение, и можно было бы всё закончить. Просто и быстро. Хлынет кровь, горячая, густая, и он упадёт на кафельный пол, и Эля будет стоять рядом, смотреть, как он умирает, и ничего не сможет сделать, потому что она — просто галлюцинация, а галлюцинации не спасают от смерти.

И снова твои ужасные мысли.

Леша провёл лезвием по щеке. Полоска пены упала в раковину.

Отвали от меня, я сказал.

Он одевался долго, тщательно, как на экзамен, от которого зависит жизнь. Синяя рубашка, которую он купил на распродаже, потому что Инесса однажды сказала, что синий ей нравится. Джинсы без дырок, единственные, где не было потёртостей. Свитер в катышках поверх рубашки. Он посмотрел на себя в зеркало: выглаженный, приличный, почти как нормальный человек.

Ты забыл про подарки, — напомнила Эля.

Помню, — буркнул Леша и пошёл на кухню.

Конфеты он купил ещё вчера. Цветы — белые розы, двенадцать штук, он заказал их у цветочницы возле метро, знакомой, которая делала скидку постоянным клиентам. Фрукты — киви, манго, какие-то заморские ягоды в пластиковой упаковке — он не знал, что именно, просто взял самое дорогое, потому что думал: дорогие подарки доказывают серьёзность намерений.

В коридоре он задержался у тумбочки, где в ящике лежал пистолет. Дядя Саша говорил носить всегда. Дядя Саша был параноиком, но единственным родственником, который не отвернулся.

— Не бери, — сказала Эля. — У неё дома не криминальный район.

Дядя Саша сказал...

— Твой дядя псих, — отрезала она. — Ты уже это слышал.

Леша убрал руку от ящика. Взял подарки и вышел. Такси приехало через семь минут — старенькая «Шкода» с водителем, который всю дорогу слушал шансон и сморкался в тряпку. Леша сзади прижимал к груди цветы и смотрел, как за окном плывут улицы — серые, мокрые, с редкими прохожими, которые торопились по своим делам, кутаясь в воротники.

— Далеко едешь? — спросил водитель, сворачивая на набережную.

— Не очень. На Коломенскую.

— К девушке?

Леша промолчал. А что сказать? Что он едет к девушке, которая его не любит, которая вчера гуляла с другим, которая отмазалась болезнью, а он везёт ей цветы, как дурак? Или что он вообще не знает, кто она ему — подруга, девушка, большое наваждение, такое же, как Эля, только реальное?

Водитель не дождался ответа и включил радио громче.

— Ты мог бы развернуться, — слышался голос Эли с заднего сиденья. Водитель её не слышал — водитель вообще ничего не слышал, кроме шансона. — Прямо сейчас. Сказать: «извините, я передумал», и поехать домой.

— Не могу.

— Можешь. Ты просто не хочешь.

Машина остановилась у знакомой девятиэтажки — панельной, серой, облезлой, очень скучной. Леша вышел, и холод ударил в лицо, на улице было около минус пятнадцати, ветер дул с залива, пронизывающий, с мелкими иголками снега.

Подарки в руках он перехватил поудобнее, поправил волосы перед тонированным стеклом подъездной двери.

Домофон почему-то не отвечал. Градов нажал ещё несколько — басящая тишина. Он начал мёрзнуть, ноги в осенних ботинках превратились в ледышки, пальцы на руках, несмотря на перчатки, немели. Стоять на морозе с цветами — особый вид унижения, который придумали, кажется, специально для таких, как он.

— Молодой человек, вы к кому?

Леша резко обернулся, будто сзади его окликнул маньяк или ждала опасность, но на лавочке у подъезда сидела женщина. Ей было лет шестьдесят, а может, и семьдесят, одна из тех, кто сидит на лавочках в любую погоду, потому что дома скучно.

— К Инессе, — ответил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал вежливо. Получалось плохо, потому что зубы стучали от холода.

— А-а-а, к нашей красавице, — женщина улыбнулась беззубым ртом. — А ты, я смотрю, жених ее? Только посмотри, как ты смешно выглядишь. Что за молодые люди пошли. Не причесанный, несуразный. И к Инессе?

— Что-то вроде того...

— Ну, давай, я тебе открою, а то замёрзнешь. Ой ну что за вид!

Она достала ключи и набрала код, который знала, наверное, ещё с тех пор, когда дом был новостройкой. Дверь щёлкнула, и он проскользнул внутрь, обдав женщину запахом сигарет и мороза.

— Спасибо, — бросил на ходу, еле сдерживаясь, чтобы не вернуться и не сказать пару ласковых в ответ.

— Не за что. Только ты не серчай на неё, — вдруг сказала женщина ему в спину. — Она у нас девушка сложная, ветреная. А ты и так не лучший кандидат. Вот Стас...

Леша не обернулся, хотя очень хотелось.

— Стас, значит.

Подъезд пах кошками и дешёвым освежителем воздуха, запахом, который Леша знал с детства. Такие же подъезды были в его доме, на другой стороне города, только там пахло ещё и перегаром. Но он был слишком потерян в своих мыслях, чтобы обратить на это внимание. Перед тем как позвонить в дверь, он глубоко вдохнул, надеясь, что это поможет справиться с волнением.

Позвонил.

За дверью слышались шаги, потом пауза. Леша знал: она смотрит в глазок, решает, открывать или сделать вид, что никого нет. Он замер, стараясь выглядеть как можно безобиднее. Цветы, конфеты, фрукты — трудно выглядеть угрожающе с таким набором в руках.

Щёлкнул замок, и Леша увидел её — Инессу в домашнем халате, с распущенными волосами и без макияжа. Даже без косметики она была красивой. Патчи под глазами, мягкая кожа, губы яркие, припухшие, как будто она только что кого-то целовала.

— Лёша? — её голос звучал удивлённо. Слишком удивлённо. Как будто она не ожидала его увидеть, хотя он предупреждал, что приедет с утра.

— Привет, — сказал он и улыбнулся той улыбкой, которую репетировал всю дорогу — тёплой, заботливой и не подозрительной. — Я к тебе. Ты же болела.

— Ах да... болела, — Инесса моргнула, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на панику. — Я уже лучше, правда.

— Я принёс тебе подарки. — Он протянул цветы, конфеты, фрукты, чувствуя себя при этом цирковым клоуном, который раздаёт шарики неблагодарным детям.

Инесса взяла всё машинально. Улыбка, которой она ответила, была натянутой — уголки губ поднимаются вверх, а глаза остаются пустыми.

— Спасибо, — сказала она. — Ты очень добр.

«Ты очень добр» — фраза, которую говорят, когда хотят сказать «ты мне не нужен, но мне жалко тебя обидеть».

— Может, зайдёшь?

— Если не устала, если я не отвлекаю.

— Нет-нет, что ты. — Она посторонилась, пропуская его. — Просто у меня... у меня тут бардак.

Леша шагнул через порог. Квартира пахла дорогим мужским парфюмом, табачным дымом и чем-то ещё едва уловимым — гелем для душа с запахом кедр.

Внутри всё сжалось, но он заставил себя продолжить играть в эту игру.

— Выздоровливаешь? — спросил он, проходя в комнату. На журнальном столике стояли две чашки — одна с недопитым кофе, другая пустая, но с пятнами помады на краю.

— Да, вот, температура спала уже, — она заметила его взгляд, метнулась к столу, убрала чашки. — А я тут одна, скучаю.

Одна. Конечно, одна. Леша посмотрел на дверь спальни, она была приоткрыта, и в щёлку виднелась мужская куртка, висящая на стуле. Дублёнка. Та самая, которую он видел вчера.

— Лёш, ты чего? — девушка проследила за его взглядом и резко захлопнула дверь спальни. — У меня там... у меня там брат приехал погостить. Зовут Стас. Болеет тоже, от меня заразился, наверное.

— Он не хочет познакомиться?

— Он... он спит, — ответила Инесса слишком быстро. — Ему нездоровится.

— Понятно.

Повисла тишина, давящая на мозг. Леша стоял посреди комнаты, сжимая в кармане зажигалку — единственное, что осталось от подарков, которые он отдал. Инесса переминалась с ноги на ногу.

— Может, чаю? Я заварю.

— Не надо. Я ненадолго. Просто хотел убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке. — Она кивнула, и в этом кивке было столько облегчения, что Леша почувствовал себя плевром на асфальте. — Правда. Всё хорошо.

— Тогда я пойду, — сказал он.

— Правда? То есть, я хотела сказать, оставайся, если хочешь...

— Не хочу, — перебил он.

Сказал это и сам удивился своей резкости. Инесса тоже удивилась — на секунду её маска треснула, и Леша увидел то, что было под ней: страх, который бывает перед неловкостью.

Он развернулся, пошёл к двери.

— Лёша, — окликнула она. — А цветы... спасибо, они очень красивые.

— Выздоровляй, — сказал он, перешагивая порог.

Дверь за ним закрылась с тихим, почти виноватым щелчком. Он стоял на лестничной клетке, смотрел на чужую дверь, и в голове билась одна мысль: «Брат. У неё брат. Конечно, брат. А вчера на мосту был тоже брат. Просто брат. Просто родственник. Они очень похожи — брат и любовник, их легко перепутать, когда у тебя галлюцинации и ты параноик».

— Параноик, — прошептал он. — Это уж точно.

Он спустился вниз. На лавочке всё ещё сидела та же женщина, которая открыла ему дверь. Она смотрела на него с любопытством, как на сериал, который включаешь каждый день в одно и то же время.

— Ну что, красавчик нечёсанный? — спросила она. — Как встреча? Понравились ей подарки?

— Отвали, дура старая, — сказал он и сам испугался собственного голоса. Женщина вздрогнула, прижала авоську к груди.

— Вы чего это, молодой человек? — спросила она дрожащим голосом. — Ну что за люди пошли!

Леша уже шёл к выходу из арки. Он слышал, как она что-то говорит вслед про невоспитанную молодёжь, про родителей, которые не научили уважению. И это было смешно, потому что, если бы она знала про его родителей, она бы не удивлялась, почему он такой.

Он вышел на улицу. Лёгкие обожгло морозом. В голове шумело от напряжения, от невысказанных слов, от гнева, который не находил выхода и копился где-то под рёбрами.

— Она же врёт, — сказала Эля, появляясь рядом. — Ты это знаешь. Она врёт про брата. Ты слышал мужской голос? Я слышала.

— Ты не можешь слышать, тебя нет, — огрызнулся Леша.

— Я слышу то, что слышишь ты, а ты слышал.

Он не ответил, зашагал в сторону круглосуточного магазина, где можно купить алкоголь. Он не хотел напиваться в хлам, просто хотел подавить желание вернуться, выбить дверь, вытащить того «брата» за шкуру.

Магазин встретил ярким освещением и противной музыкой. Здесь пахло хлебом, колбасой и дешёвой химией. Градов взял бутылку дешёвого портвейна и развернулся, чтобы идти на кассу, но...

Увидел его.

Тот самый парень, тот идиот, тот «брат» стоял у стеллажа с вином, выбирал, наклонял бутылки, изучал этикетки, подносил к носу так, как будто понимал в вине.

Внутри что-то взорвалось — смесь обиды, унижения, бессилия и жгучей, животной ненависти к этому красивому, ухоженному, счастливому человеку, у которого есть Инесса, есть вкус, есть будущее, у которого есть всё, что Леша мог бы иметь, если бы родился в другой семье или в другой жизни.

Парень не заметил его. Он взял с полки бутылку красного будто аристократ, посмотрел на свет и довольно кивнул своим мыслям. Сделал шаг назад, чтобы положить её в корзину.

И в этот момент Леша двинулся, не думая, выставил ногу вперёд, незаметно, будто случайно. Носок ботинка оказался точно на пути чужой пятки. Парень споткнулся, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но инерция уже работала против него — он полетел вперёд, прямо на стеллаж с бутылками.

Звук был потрясающий.

Стекло разбивалось не одновременно, создавая какофонию, от которой закладывало уши. Красное вино, белое, розовое, какое-то шампанское — всё это смешалось в одну лужу на кафельном полу, растеклось кровавыми ручьями. Парень лежал в этой луже, скользя на осколках.

— Ты! — заорал он. — Ты подставил ногу!

— Я? — Леша посмотрел на него с таким выражением, будто видел в первый раз. — Я стоял за три метра от тебя. Ты сам упал, урод.

Подбежал продавец, молодой парень в синей форменной кофте, с лицом, на котором читалась паника.

— Что случилось? Вы целы?

— Этот псих меня толкнул! — парень показывал на Лешу пальцем, но теперь в его голосе звучало меньше уверенности, потому что тот стоял спокойно, с бутылкой портвейна в руках, и смотрел на него сверху вниз с лёгкой, почти дружелюбной улыбкой.

— Я просто покупал алкоголь. А он упал сам. Скользко, наверное, пол мыли недавно?

— Так мы не мыли сегодня! — возразил продавец.

— Ну, значит, кто-то пролил, — пожал плечами. — Всякое бывает.

Он прошёл к кассе, не торопясь. Всё это время он чувствовал на себе злой взгляд парня, тот так и застыл в полном недоумении.

— Сдачи не надо, — сказал Градов кассиру и вышел на улицу.

Там, на морозе, он сделал глубокий вдох и победно улыбнулся.

— Это было мелко, — Эля появилась рядом.

— Зато было приятно.

— Ты мог бы его серьёзно травмировать.

— Мог, конечно, но не стал, всего лишь унизил.

— Унижение — это тоже травма.

— Знаешь, что я понял сегодня?

— Что?

— Что я устал быть хорошим.

Он пошёл дальше. Снег хрустел под ногами. Бутылка портвейна тяжелела в пакете с каждым шагом. Прохожие проходили мимо, а Леша глупо улыбался им в ответ, погружаясь все больше и больше в свои опасные мысли.

Глава 3. Кто, если не я?

Дома темно. Лампочка в люстре перегорела ещё в прошлом году, а покупать новую Градов не собирался. Он и так видел всё, что ему было нужно. Полумрак был практически всегда, даже днём, и это ему нравилось. Галлюцинации при таком освещении выглядели почти как настоящие, и можно было не притворяться, что он их не видит. Квартиру Градов знал на ощупь, свет не нужен был совсем, насколько маленькой и тесной она была: три шага до кровати, поворот направо — кухня, а слева кладовка, где когда-то мать держала соленья, а теперь здесь обитали пустота и пауки, которые сплели огромные паутины по углам и жили в них, не зная забот.

Бутылка в руке — приторно-сладкая дрянь, от которой с утра раскалывается голова, а во рту остаётся привкус химии. Леша нёс её к дивану, хотя внутри уже плескалось то самое чувство, которое алкоголь должен был заглушить, но только разжигал. И он это прекрасно понимал: портвейн не лечит, а размазывает боль по всему телу, делая её тягучей и липкой, как сама эта жидкость. Но другого выхода он не видел. Видел только тёмно-рубиновое пойло в бутылке с мятой этикеткой, которая обещала забвение, но никогда его не давала. Он рухнул на старый, продавленный диван с торчащими пружинами.

Когда-то этот диван был дорогим. Мать копила на него полгода, работая в две смены на фабрике, потому что хотела, чтобы в доме было хоть что-то красивое. Она выбирала его в каталоге, долго сомневалась между зелёным и коричневым, в итоге взяла коричневый — немаркий и практичный. «Чтобы ты, Лешенька, мог есть на диване и не бояться испачкать», — говорила она. Теперь же он был покрыт пятнами, которых не вывести: кофе, соус, чья-то кровь? Нет, крови не было. На диване не было, она была в другом месте сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.